

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Лем, Станислав.
Л44 Насморк / Станислав Лем ; [пер. с польск. С. Ларина, В. Чепайтиса]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-982852-5

Стареющий астронавт-неудачник, так и не осуществивший свою мечту о полете на Марс, участвует в опасном эксперименте, чтобы раскрыть серию таинственных убийств на итальянском курорте. Погибших по неосторожности и самоубийц, мужчин средних лет, казалось бы, ничто не связывает — у них разные привычки и пристрастия, внешность, место работы. Но какая-то закономерность все же должна существовать — и бывший астронавт, агент под прикрытием, шаг за шагом повторяет путь одной из последних жертв из Неаполя в Рим, понимая, что смерть дышит ему в затылок...

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-982852-5

© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2015

*Посвящается
доктору Анджею Мадейскому*

Неаполь — Рим

Мне казалось, что этот последний день никогда не кончится. Не из чувства страха; я не боялся. Да и чего бояться? Я был один в разноязыкой толпе. Никто не обращал на меня внимания. Опекунны не показывались на глаза; в сущности, я даже не знал их в лицо. Я не верил, что, ложась в постель в пижаме Адамса, бреясь его бритвой и прогуливаясь его маршрутами вдоль залива, навлекая на себя проклятие, и все же чувствовал облегчение от того, что завтра сброшу чужую личину. В дороге тоже нечего опасаться засады. Ведь на автостраде ни один волос не упал с его головы. А единственную ночь в Риме мне предстояло провести под усиленной опекой. Я говорил себе, что это — всего лишь желание поскорее свернуть операцию, которая не дала результата. Я говорил себе немало других разумных вещей, но все равно то и дело выбивался из расписания.

После купания надо было вернуться в «Везувий» ровно в три, но уже в двадцать минут третьего я оказался поблизости от гостиницы, словно что-то гнало меня туда. В номере со мной ничего не могло случиться, и я принялся бродить по

улице. Эту улицу я уже знал наизусть. На углу — парикмахерская, дальше — табачная лавка, бюро путешествий, за которым, в бреши между домами, помещалась гостиничная автостоянка. Дальше, за гостиницей, — лавка галантерейщика, у которого Адамс починил оторванную ручку чемодана, и небольшой кинотеатр, где безостановочно крутили фильмы. Я едва не сунулся сюда в первый же вечер, приняв розовые шары на рекламе за планеты. Только перед кассой понял, что ошибся: это была гигантская задница. Сейчас, в недвижимом зное, я дошел до угла, где стояла тележка с жареным миндалем, и повернул назад. Досыта налюбовавшись трубками на витрине, я вошел в табачную лавку и купил пачку «Куул», хотя обычно не курю ментоловые. Перекрывая уличный шум, из громкогоговорителей кинотеатра долетали хрипение и стоны, как с бойни. Продавец миндаля повез тележку под козырек над подъездом гостиницы, в тень. Может, когда-то «Везувий» и был роскошным отелем, но сейчас все вокруг свидетельствовало о безусловном упадке.

Холл был почти пуст. В лифте веяло прохладой, но в номере стояла духота. Я обвел комнату испытующим взглядом. Укладывать чемоданы в такую жару — значит обливаться потом, и тогда датчики не будут держаться. Я перебрался со всеми вещами в ванную — в этой старой гостинице она была величиной с комнату. В ванной тоже оказалось душно, но здесь был мраморный пол. Приняв душ в ванне, покоящейся на львиных лапах, и нароч-

но не вытершись досуха, босой, чтобы было не так жарко, я принялся укладывать вещи. В саквояже нашарил увесистый сверток. Револьвер. Я совершенно забыл о нем. Охотнее всего я швырнул бы его под ванну. Переложил револьвер на дно большого чемодана, под рубашки, старательно вытер грудь и стал перед зеркалом прицеплять датчики. Когда-то в этих местах у меня на теле были отметины, но они уже исчезли. Подушечками пальцев я нащупал ложбинку между ребрами, сюда — над сердцем — первый электрод. Второй, в ямке возле ключицы, не хотел держаться. Я снова вытерся и аккуратно прижал пластырь с обеих сторон, чтобы датчик прилегал плотнее. У меня не было навыка — раньше не приходилось этого делать самому. Сорочка, брюки, подтяжки. Я стал носить подтяжки с тех пор, как вернулся на Землю. Для удобства. Чтобы то и дело не хвататься за штаны, опасаясь, что они свалятся. На орбите одежда ничего не весит, и после возвращения возникает этот «брючный рефлекс».

Готово. Весь план я держал в голове. Три четверти часа на то, чтобы пообедать, оплатить счет и взять ключи от машины, еще полчаса, чтобы доехать до автострады; учитывая час пик, десять минут иметь в запасе. Я заглянул во все шкафы, поставил чемоданы у двери, ополоснул лицо холодной водой, проверил перед зеркалом, не выпирают ли датчики, и спустился на лифте. В ресторане была толчея. Обливающийся потом официант поставил передо мной кьянти, я заказал макароны с базили-

ковым соусом и кофе в термос. Я уже заканчивал обед, то и дело поглядывая на часы, когда из рупора над входом послышалось: «Мистера Адамса просят к телефону!» Волоски на руках у меня встали дыбом. Идти или не идти? Из-за столика у окна поднялся толстяк в рубашке павлиньей расцветки и направился к кабине. Какой-то Адамс. Мало ли на свете Адамсов? Стало ясно, что ничего не начинается, но я разозлился на себя. Не таким уж надежным оказалось мое спокойствие. Я вытер жирные от оливкового масла губы, принял горькую зеленую таблетку плимазина, запил ее остатками вина и пошел к стойке портье. Гостиница еще кичилась своей лепниной, плюшем и бархатом, но все пропиталось кухонным смрадом. Словно аристократ ргнул капустой.

Вот и все прощание. Я вышел в густой зной вслед за портье, который вывез на тележке мои чемоданы. Автомобиль, взятый напрокат в фирме Херца, стоял двумя колесами на тротуаре. «Хорнет» — черный, как катафалк. Укладывать чемоданы в багажник я портье не позволил — там мог находиться передатчик, — отделался от него ассигнацией, положил вещи сам и сел в машину, будто в печку. Руки вспотели, я стал искать в карманах перчатки. Хотя к чему, руль обтянут кожей. В багажнике передатчика не было — где же он? На полу, перед свободным сиденьем, под журналом, с обложки которого холодно глядела на меня голая блондинка, высунувшая блестящий от слюны язык. Я не издал ни звука, но внутри у меня что-то тихонько ёкнуло.

Машины стояли плотными колоннами от светофора до светофора. Хотя я и отдохнул, но чувствовал какую-то вялость, может, оттого, что умял целую тарелку макарон, которые ненавижу. Пока весь ужас моего положения заключался в том, что я начал толстеть, — так по-дурацки я подтрунивал над собой. За следующим перекрестком включил вентилятор. Жарко обдало выхлопными газами. Пришлось выключить. Машины на итальянский манер налезали друг на друга. Объезд. В зеркальцах — капоты и крыши. *La potente benzina italiana** угарно вонял. Я тащился за автобусом в смрадном облаке выхлопных газов. Через заднее стекло автобуса на меня глазели дети, в одинаковых зеленых шапочках. В желудке у меня были макароны, в голове — жар, на сердце — датчик, который цеплялся через рубашку за подтяжки при каждом повороте руля.

Я разорвал пакет бумажных носовых платков и разложил их около рычага передач, потому что в носу защекотало, как перед грозой. Чихнул раз, другой и так увлекся этим занятием, что даже не заметил, когда именно, канув в приморскую голубизну, остался позади Неаполь. Теперь я уже катил по *del Sole*** . Для часа пик почти просторно. От таблетки плимазина никакого толку. Саднило в глазах, из носа текло. А во рту было сухо. Пригодился бы кофе, но теперь я мог его выпить толь-

* Могучий итальянский бензин (*ит.*).

** Солнечное шоссе (*ит.*).

ко около Маддалены. «Интернэшнл геральд трибюн» в киоске снова не оказалось из-за какой-то забастовки. Я включил радио. Последние известия. Понимал с пятого на десятое. Демонстранты подожгли... Представитель частной полиции заявил... Феминистское подполье грозит новыми актами насилия... Дикторша глубоким альтом читала декларацию террористок, потом осуждающее заявление папы римского и комментарии газет. Женское подпольное движение. Никто ничему уже не удивляется. У нас отняли способность удивляться. Что же их, в сущности, тревожит — тирания мужчин? Я не чувствовал себя тираном. Никто себя им не чувствовал. Горе плейбоям. Что террористки с ними сделают? А священников они тоже будут похищать? Я выключил радио, будто захлопнул мусоропровод.

Быть в Неаполе и не видеть Везувия! А я не видел. К вулканам я всегда относился благожелательно. Отец рассказывал мне о них перед сном едва ли не полвека назад. Скоро стану стариком, подумал я и так удивился, словно сказал себе, что скоро стану коровой. Вулканы — это нечто солидное, вызывающее чувство доверия. Земля раскалывается, течет лава, рушатся дома. Все ясно и чудесно, когда тебе пять лет. Я полагал, что через кратер можно спуститься к центру Земли. Отец возражал. Жаль, что он не дожил, — порадовался бы за меня.

Когда слышишь роскошное лязганье зацепов, стыкующих ракету с орбитальным модулем, не думаешь об ужасающей тишине бесконечных про-

странств. Правда, моя карьера была недолгой. Я оказался недостойным Марса. Отец переживал это, пожалуй, тяжелее меня. Что ж, лучше было бы, если б он умер после моего первого полета? Хотеть, чтобы он закрыл глаза с верой в меня, — это цинично или просто глупо?

А не угодно ли вам следить за движением?.. Втискиваясь в брешь за «ланчией», размалеванной в психоделические цвета, я бросил взгляд в зеркальце. «Крайслер» фирмы Херца пропал бесследно. Около Марьянелли блеснуло далеко позади что-то похожее, но я не был уверен, что это они; к тому же та машина сразу скрылась. Заурядная короткая трасса, по которой катило столько людей, одного меня приобщала к тайне, чей зловещий смысл не удалось разгадать всем полициям мира, вместе взятым. Однако я положил в машину надувной матрац, ласты и ракетку вовсе не потому, что собрался отдыхать, а с целью навлечь на себя неведомый удар.

Вот так я пытался подзадорить себя, но тщетно — это рискованное предприятие уже давно потеряло для меня свою привлекательность, я не ломал голову над загадкой смертоносного заговора. Сейчас я думал лишь о том, не принять ли вторую таблетку плимазина, поскольку из носа все еще текло. Не все ли равно, где этот «крайслер». Радиус действия передатчика — сто миль. А у моей бабушки на чердаке сушились штанишки цвета этой вот «ланчии».

В шесть двадцать я нажал на газ. Какое-то время мчался за «фольксвагеном», у которого сзади были

нарисованы большие бараньи глаза, смотревшие на меня с ласковым укором. Автомобиль — гипертрофированный отпечаток личности владельца. Потом пристроился за земляком из Аризоны с наклейкой «Have a nice day»^{*} на бампере. На крышах идущих в потоке машин громоздились моторные лодки, водные лыжи, удочки, доски для плавания, тюки с палатками малинового и апельсинового цветов. Европа из кожи лезла вон, чтоб дорваться до этого «a nice day». Шесть двадцать пять. Я поднял, как делал уже сотни раз, правую, потом левую руку, взглянул на распрямленные пальцы. Не дрожат. А дрожь в пальцах — первый предвестник. Но можно ли утверждать это с полной уверенностью? Ведь никто ничего толком не знает. А может, задержать на минутку дыхание, вот Рэнди перепугается... Что за идиотская мысль!

Виадук. Воздух зашелестел вдоль шеренги бетонных столбиков. Я воровато покосился на пейзаж за окошком. Чудесно, зеленое пространство до самого горизонта, замкнутого горами. С левой полосы меня согнал «феррари», плоский, будто клоп. Я опять зачихал, чертыхаясь между залпами. На ветровом стекле точками чернели останки мух, брюки липли к ногам, блики от дворников резали глаза. Я вытер нос, пачка бумажных платков упала между сиденьями и затрепетала на сквозняке. Кто изобразит натюрморт на орбите? Ты думаешь, что все уже привязал, намагнитил, приклеил

^{*} Желаю приятного дня (англ.).

лентой, а тут начинается истинное светопредставление — роятся шариковые ручки и очки, свободные концы кабелей извиваются, будто ящерицы, а хуже всего — крошки. Охота с пылесосом за кексами... А перхоть?! Закулисную сторону космических шагов человечества принято замалчивать. Только дети обыкновенно спрашивают, как пишут на Луне...

Горы становились все выше — бурые, спокойные, массивные и словно бы родные. Одна из достопримечательностей Земли. Дорога меняла направление, солнечные квадраты вползали в машину, и это тоже напоминало безмолвное, величественное коловращение света в кабине корабля. День посреди ночи, одно и другое вперемежку, как перед сотворением мира, и летаешь наяву, будто во сне, а тело потрясено тем, что все происходит так, как быть не может. Я слушал лекции о локомоторной болезни, но все оказалось иначе. Это была не обычная тошнота, а паника кишок и селезенки; внутренности, обычно неосязаемые, негодовали и выражали бурный протест. Я искренне сочувствовал их недоумению. Мы наслаждались космосом, но нашим телам от него было невмogu. С первой же минуты невесомость им не понравилась. Мы тащили их в космос, а они сопротивлялись. Конечно, тренировка делала свое. Даже медведя можно научить ездить на велосипеде, но разве медведь создан для этого? Его езда — курам на смех. Мы не сдавались, и унимался прилив крови к голове, приходили в норму кишки, но это

было лишь отсрочкой в сведении счетов — в конце концов приходилось возвращаться. Земля встречала нас убийственным прессом; распрямить колени, спину значило совершить подвиг, голова болталась из стороны в сторону, как свинцовый шар. Я знал, что так будет, видел мужчин атлетического вида, испытывавших чувство неловкости от того, что они не в силах сделать и шага, сам укладывал их в ванну, вода временно освобождала тела от тяжести, но черт знает почему верил, что со мной такого не произойдет.

Тот бородатый психолог говорил, что каждый так думает. А потом, когда снова привыкаешь к тяготению, орбитальная невесомость возвращается в снах, как ностальгия. Мы не годимся для космоса, но именно поэтому не откажемся от него.

Нога отреагировала на красную вспышку впереди раньше, чем я это осознал. Через секунду я понял, что торможу. Шины зашуршали по рассыпанному рису. Что-то более крупное, вроде градин. Нет, это стекло. Колонна двигалась все медленней. На правой полосе выстроились конусы ограждения. Я попытался рассмотреть их за скопищем машин. На поле медленно приземлялся желтый вертолет; пыль, будто мука, клубилась под фюзеляжем. Вот. Две намертво сцепившиеся коробки с сорванными капотами. Так далеко от дороги? А люди? Шины снова зашуршали по стеклу, с черепашьей скоростью мы двигались вдоль полицейских, машущих руками: «Живо, живо!» Полицейские каски, кареты «скорой помощи», носилки, колеса опрокинутой машины

еще вращались, мигал указатель поворота. Над дорогой стлался дым. Асфальт? Нет, скорее всего бензин. Колонна возвращалась на правую полосу, при быстрой езде стало легче дышать. Согласно прогнозу, на сегодня предполагалось сорок трупов. Показался ресторан на мосту, дальше в полумраке корпусов большой Area di Servizio* бешено вспыхивали звездочки сварки. Я взглянул на счетчик. Скоро будет Кассино. На первом же вираже вдруг перестало свербить в носу, словно плимазин только сейчас пробился сквозь макароны.

Второй вираж. Я вздрогнул, почувствовав взгляд, непонятным образом исходивший снизу, словно кто-то, лежа на спине, бесстрастно наблюдал за мной из-под сиденья. Это солнце осветило обложку журнала с блондинкой, высунувшей язык. Я, не глядя, наклонился и перевернул глянцевый журнал на другую сторону. Для астронавта у вас слишком богатая внутренняя жизнь, сказал мне психолог после теста Роршаха. Я вызвал его на откровенность. А может, это он меня. Он сказал, что существует страх двух видов: высокий — от чрезмерного воображения и низкий, идущий прямо из кишок. Возможно, намекая, что я слишком хорош, он хотел меня утешить?

Небо выдавливало из себя облака, сливающиеся в сплошную пелену.

Приближалась бензоколонка. Я сбросил скорость. Меня обогнал молодящийся старик,

* Зона обслуживания (ит.).